

УДК 141.2(47)
ББК 87.3(2)-688

Ольга Васильевна Лабутина

Институт физиологии имени И.П. Павлова Российской академии наук, аспирант лаборатории психофизиологии речи, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: labutina012@gmail.com

От Homo Empathicus к Homo Resuscitans: антропологический вектор русского космизма

Аннотация. Современная цивилизация столкнулась с разрывом между технологическими возможностями и этическими основаниями их применения. Это актуализирует обращение к русскому космизму (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, В.И. Вернадский) как к традиции, рассматривающей человека активным субъектом эволюции. Опираясь на фундаментальные исследования наследия космистов, представленные в трудах С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой и М.В. Максимова, а также на данные современной нейрофизиологии и эволюционной биологии, обосновывается возможность целенаправленного формирования у человека способности к родству и братству, в чем реализуется проективный подход русского космизма. Обосновывается эволюционная антропологическая модель: от *Homo economicus* через *Homo Empathicus* к *Homo Resuscitans*. Концепция *Homo Empathicus* получает онтологическое обоснование в идее «родства» у Н.Ф. Федорова и в учении о всеединстве Соловьёва. Возможность развития эмпатии как психологического и социального навыка находит эмпирическое подтверждение в современных нейронауках. Обосновывается вывод о том, что целенаправленное развитие эмпатии выступает необходимым условием для реализации проекта русского космизма.

Ключевые слова: русский космизм, философия общего дела Н.Ф. Федорова, Homo Empathicus, Homo Resuscitans, всеединство, эволюционная антропологическая модель

Olga Vasilyevna Labutina

Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences, Postgraduate Student, Russia, St. Petersburg, e-mail: labutina012@gmail.com

From Homo Empathicus to Homo Resuscitans: Anthropological Vector of Russian Cosmism

Abstract. Modern civilization has encountered a gap between technological capabilities and the ethical foundations of their application, which makes an appeal to Russian cosmism (N.F. Fedorov, V.S. Solovyov, V.I. Vernadsky) relevant as an intellectual tradition that views humans as active agents of evolution. Drawing on foundational studies of the tradition of Russian cosmism by S.G. Semenova, A.G. Gacheva, and M.V. Maksimov, as well as on recent advances in neurophysiology and evolutionary biology, this article argues for the possibility of deliberately developing a sense of kinship and brotherhood, thereby realizing the active evolutionary approach immanent to Russian cosmism. The article proposes an evolutionary anthropological model: from *Homo economicus* through *Homo Empathicus* to *Homo Resuscitans*. The concept of *Homo Empathicus* receives ontological grounding in Fedorov's idea of kinship and Solovyov's doctrine of all-unity – a philosophical position that finds

empirical support in contemporary neuroscience, which increasingly documents the fundamental capacity to develop empathy as a psychological and social skill. The article concludes that the intentional development of empathy is a necessary condition for the realization of the Russian cosmist project.

Key words: Russian cosmism, N.F. Fyodorov's philosophy of the common cause, Homo Empathicus, Homo Resuscitans, all-unity, evolutionary anthropological model

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.098-108

Мы живем в эпоху, когда технологии – от искусственного интеллекта до генной инженерии – развиваются быстрее, чем наша способность осмысленно и ответственно ими распоряжаться. Возникает разрыв между технологическими возможностями и этическими основаниями их применения. Этот разрыв заставляет нас обратиться к философской традиции русского космизма, в которой нравственные ориентиры и активная роль человека в эволюции неразрывно связаны. В трудах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева и В.И. Вернадского человек предстает не пассивным наблюдателем, но активным участником мировых процессов, призванным сознательно преобразовывать природу – и собственную, и окружающую. Философия «общего дела» Федорова утверждает идею «родства» как онтологической основы бытия, где нравственный долг перед предками становится импульсом к регуляции природы и восстановлению утраченных связей¹. Соловьев, развивая учение о всеединстве, вводит антропологический аспект: человек, направляемый «сердечным» познанием и нравственной волей, способен преодолевать эгоизм и двигаться к Богочеловечеству². Вернадский же, создавая учение о ноосфере, показывает, что научная мысль становится планетарной геологической силой, а человечество – ответственным за эволюцию биосферы³.

Понятие «всеединство» занимает центральное место в рассматриваемой традиции. Для Федорова оно выражается в идее «родства» как связанности всех поколений: «... братство сынов это – не отрицание лишь всякой вражды; это – участие во всеобщем и для каждого родном деле, всех сближающем и связывающем взаимным познанием» [1, с. 67]. Для Соловьева всеединство становится принципом органической связанности, где «целое и части, общее и единичное» находятся в равновесии. Как подчеркивает М.В. Максимов, обращение к наследию Соловьева сегодня позволяет выявить «актуальность этического вектора его

¹ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 35–308 [1].

² См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–557 [2].

³ См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с. [3].

историософских представлений» и перспективность проектов «логики всеединства» для современной мысли⁴.

Но каким образом философская идея всеединства может быть связана с антропологическим проектом – реальным изменением человека и общества? Ключ к этой связи дает понятие эмпатии, которое имеет глубокие историко-философские корни. Уже античные мыслители, разрабатывая категорию симпатии (греч. *συμπάθεια*), понимали под ней не только сострадание, но и универсальную связь всего сущего. Согласно «Новой философской энциклопедии», симпатия космическая – это «термин античной философии, обозначающий гармонию всех вещей в масштабе мироздания»⁵. У стоиков этот термин служил для обозначения «гармонической целостности космоса как живого организма», где вездесущая пневма обеспечивает устойчивость космического континуума и разнообразие его внутренней структуры⁶. В этом античном понимании эмпатия (через ее предшественницу симпатию) предстает не как поздний психологический навык, но как фундаментальная способность, укорененная в самой структуре реальности.

Эту линию развивает В.С. Соловьев в своей метафизике всеединства, органично связанной с аристотелевской традицией. Как отмечал А.П. Козырев, Соловьев активно использовал эвристический потенциал аристотелевской логики и метафизики⁷. Создавая свое учение об Абсолюте, мыслитель обращался к аристотелевской концепции материи, к идее потенциальности (*δύναμις*) и действительности (*ἐνέργεια*)⁸. Осмысление Соловьевым этой аристотелевской пары «дюнамис – энергейя» становится для него исходным пунктом построения динамической концепции Абсолюта и его другого⁹. В «Философских началах цельного знания» он прямо характеризует Абсолют через единство потенции и акта: «С одной стороны, Абсолютное выше всякого бытия, есть безусловное единое, положительное ничто; с другой стороны, оно есть непосредственная потенция бытия или первая материя» [2, с. 152]. В этом контексте соловьевское всеединство предстает не как статичная гармония, но как динамический процесс, в котором потенция всеобщей связи реализуется через нравственное усилие человека. Человек, по Соловьеву, есть «центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства», а любовь выступает тем актом, который эту потенцию реализует: она «заставляет нас действительно, с нашим целым существом, признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем

⁴ См.: Максимов М.В. Об актуальности наследия Вл.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 8 [4].

⁵ См.: Столяров А.А. Симпатия космическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542 [5].

⁶ См.: Столяров А.А. Симпатия космическая. С. 543.

⁷ См.: Козырев А.П. Об аристотелевских началах в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 45–55 [6].

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 52.

только в самих себе»¹⁰. Именно в этом пункте аристотелевская традиция встречается с проективным вектором космизма: эмпатия – в широком смысле этого слова как способность к «симпатии» и сочувствию – оказывается тем самым ἐνέρῳεια, который актуализирует потенциальное всеединство мира.

В перспективе философии всеединства эта античная линия получает онтологическое обоснование. Если все связано со всем, то эмпатия – способность чувствовать другого как себя – оказывается не просто эмоциональным механизмом, но антропологическим выражением глубинной связанности бытия. Именно через эмпатию человек может осознанно восстанавливать и поддерживать ту связь всего со всем, которая составляет сущность мира. Задача перехода к Homo Empathicus получает, таким образом, онтологическое измерение: речь идет не о развитии полезного качества, но о приведении человеческой природы в соответствие с универсальным законом всеединства.

Сегодня это древнее понимание эмпатии получает эмпирическое подтверждение в современных нейронауках. Исследования последних лет показывают, что эмпатия буквально «синхронизирует» нейронные процессы: при переживании чужого стресса определенные области мозга начинают работать в едином ритме, что фиксируется методами ЭЭГ¹¹. Было показано, что при эмпатическом сопереживании мозг участников эксперимента синхронизировался даже в отсутствие прямых социальных сигналов, когда участники находились в разных комнатах и не видели друг друга. Данный эффект интерпретируется как эволюционный механизм: «синхронизация мозговой активности могла способствовать укреплению социальных связей, усилению взаимного доверия и улучшению коллективных действий перед лицом угроз, повышая тем самым выживаемость и процветание группы» [7, p. 112642]. Аффективные компоненты эмпатии опираются на древние подкорковые структуры, что свидетельствует об эволюционной древности этой способности¹². В исследовании, проведенном группой Морshed-Сакран (2025 г.), было продемонстрировано, что первичный, быстрый отклик на состояние другого человека запускается зрительными путями, связанными с древними подкорковыми центрами. Авторы формулируют вывод: «Эмпатия опирается на эволюционно древние подкорковые механизмы (схемы ствола мозга, миндалевидного тела и гипоталамуса), связанные с аффективной чувствительностью, привязанностью и заботой родителей о потомстве» [8, p. 2355]. Ключевым для понимания перспектив антропологического перехода является свойство нейропластичности. Davidson и Lutz (2008 г.) определяют его так: «Термин “нейропластичность” используется для описания изменений в

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Смысл любви. С. 496–505.

¹¹ См.: Levy J., Goldstein A., Feldman R. Empathy Aligns Brains in Synchrony // iScience. 2025. Vol. 28, No. 6. P. 112642. P. 2 [7].

¹² См.: Morshed-Sakran A., Shamay-Tsoory S., Gabay S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy // Psychonomic Bulletin & Review. 2025. Vol. 32, No. 5. P. 2353–2362 [8].

мозге, которые происходят под влиянием опыта. Существует множество различных механизмов нейропластичности – от роста новых связей до создания новых нейронов» [9, р. 174]. За эмпатией, таким образом, стоят не статичные структуры, а сложные динамические паттерны активности центральной нервной системы, которые могут целенаправленно развиваться.

Феномен эмпатии выступает яркой иллюстрацией биопсихосоциальной природы человека, при этом важно отметить, что подобный подход имеет глубокие корни в отечественной науке. Термин «биопсихосоциальный» был введен Дж. Энгелем в 1977 году¹³, но задолго до него комплексное понимание человека развивалось в русской научной школе. Основы этого подхода заложил И.М. Сеченов. В своем труде «Рефлексы головного мозга» (1863 г.)¹⁴ он писал: «Мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность» [11, с. 2]. Этим тезисом Сеченов утвердил рефлекторную природу психики и указал на ее материальную основу – мозг, что впоследствии позволило связывать психические процессы не только с физиологией, но и с условиями жизни и воспитания. Традицию продолжил И.П. Павлов, который утверждал неразрывное единство физиологического и психического, задавая вопросом: «Кто отделил бы... в безусловных сложнейших рефлексах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, то есть от переживаний могучих эмоций голода, полового влечения, гнева и т.д.?» [12, с. 335]. А.А. Ухтомский, развивая учение о доминанте, рассматривал человека в единстве биологического, социального и духовного существования; в таком целостном рассмотрении «доминанта выступает основой нравственного поведения» [13, с. 324]. Завершает эту линию Б.Г. Ананьев, который утверждал, что «единство биологического и социального в человеке обеспечивается посредством единства таких его макрохарактеристик, как: индивид, – личность, – субъект, – индивидуальность» [14, с. 28]. Таким образом, эмпатия оказывается явлением, в котором неразрывно сплетены биологическое (нейрофизиологические механизмы), психологическое (когнитивные и эмоциональные процессы) и социальное (межличностное взаимодействие и культурные практики).

Учение Соловьёва о человеке содержит предпосылки для понимания эмпатии как антропологической нормы. Здесь мы соприкасаемся с кордоцентризмом – учением о «сердце» как средоточии личности. Как отмечает М.Н. Громов,

¹³ См.: Engel G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. 1977. Vol. 196, No. 4286. P. 129–136 [10].

¹⁴ См.: Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. С. 71–183[11].

кордоцентризм представляет собой «библейское по происхождению представление о том, что истинная сущность человека сосредоточена в сердце»¹⁵. Классическое изложение этой идеи дано в работе П.Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека» (1860 г.), где «сердце» определяется как центр, в котором сходятся познавательные, нравственные и эстетические способности человека, как «средоточие душевной и духовной жизни человека»¹⁶. В.В. Зеньковский подчеркивает, что в русской философии «сердечное» постижение мира рассматривается как основа целостного познания¹⁷. Эмпатия, таким образом, оказывается не дополнением к разуму, но проявлением той самой цельности, о которой писали русские мыслители. Задача состоит не в том, чтобы привить человеку чуждое качество, но в том, чтобы актуализировать то, что уже заложено в его существе.

Соловьевская идея всеединства получает развитие в антропокосмизме – представлении о внутренней связи человека и космоса, противостоящем антропоцентризму. А.Г. Гачева, развивая эту традицию, отмечает: «Сфера исторического действия неуклонно расширяется, захватывая сначала планету, затем околоземное пространство и в перспективе – всю Вселенную» [18, с. 145]. Антропокосмизм дает философское обоснование для расширения эмпатии на все сущее: мы способны чувствовать связь с природой и космосом не потому, что проецируем на них человеческие качества, но потому, что действительно связаны с ними онтологически.

Эта линия получила естественно-научное обоснование в трудах П.А. Кропоткина. В книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1907 г.) он показал, что взаимопомощь является не поздним культурным приобретением, но фундаментальным законом природы, действующим уже в животном мире¹⁸. Кропоткин писал: «Наиболее приспособленными оказываются вовсе не те, кто физически сильнее, или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга – ради блага всего своего общества» [19, с. 17]. В человеке, утверждал он, действует не столько абстрактная любовь, сколько «инстинкт общечеловеческой солидарности», глубоко коренящийся «в человеческом сознании и сердце»¹⁹. Тем самым Кропоткин задолго до появления нейронаук предвосхитил идею о биологической укорененности нравственного чувства, что делает его позицию созвучной обоснованию перехода к *Homo Empathicus*.

¹⁵ См.: Громов М.Н. Кордоцентризм // Русская философия: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007. С. 287 [15].

¹⁶ См.: Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69 [16].

¹⁷ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. С. 142–143 [17].

¹⁸ См.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2021. 256 с. [19].

¹⁹ Там же. С. 249.

Связь идей Кропоткина с космистским проектом не ограничивается концептуальным родством. Как показано в исследовании О.Д. Бурениной-Петровой, в начале XX века на смену концепциям «исторического анархизма» П.А. Кропоткина пришли разнообразные проекты, среди которых наиболее неординарным было движение анархистов-биокосмистов²⁰. Исследовательница пишет: «Среди неоднородных разветвленных форм анархистского учения наиболее неординарным было движение анархистов-биокосмистов А. Святогора, А. Ярославского, П. Иваницкого, И. Яковлева, Г. Буторина и др., с одной стороны, постулировавших идеи освобождения от государственности не только на земле, но и на других планетах, тотального освоения космоса, установления межпланетных сообщений (“интерпланетаризма”), а с другой – проповедовавших преодоление “локализма” жизни, расширение “принципа личности” до признания и реализации индивидуального бессмертия (“иммортиализма”))» [20, с. 223]. Хотя анархисты-биокосмисты расходились с Федоровым в понимании способа достижения бессмертия, сам факт возникновения этого движения свидетельствует о том, что идеи Кропоткина о взаимопомощи и солидарности органично вписывались в интеллектуальный контекст, питавший космистские устремления.

Американский мыслитель Дж. Рифкин в книге «Эмпатическая цивилизация» (2009 г.) противопоставляет концепцию *Homo Empathicus* традиционному «экономическому человеку», обосновывая необходимость смены антропологической парадигмы, и показывает, что история человечества – это последовательное расширение круга эмпатии: от кровнородственных групп к племенам, от наций к глобальному сообществу²¹. Однако, как отмечает исследователь, это расширение происходит во многом стихийно, а его этические последствия остаются недостаточно осмысленными. «Эмпатия – это очень трудный баланс, – пишет Рифкин. – Нужно быть открытым к переживанию чужой беды как своей собственной, но не позволить ей поглотить себя, затопив собственную способность быть уникальной и отдельной личностью» [21, р. 162]. Эмпатия, становясь глобальной, требует не только эмоционального отклика, но и ответственного, рефлексивного отношения к тем, кто включается в круг нашей заботы. Задача философии и гуманитарного знания – перевести этот стихийный процесс в русло сознательного антропологического проекта.

Современные технологии могут выступать союзниками и инструментами такого перехода. Показателен проект аргентинского инженера и художника Хоакина Фаргаса, который определяет свою работу как «поэтику технологического». Создаваемые им роботы (Nannybot, распознающий эмоции младенцев;

²⁰ См.: Буренина-Петрова О.Д. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 222–240 [20].

²¹ См.: Rifkin J. *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*. New York: Tarcher/Penguin, 2009. 688 p. [21].

Glaciator, медленно движущийся на солнечной энергии в Антарктиде) становятся «медиаторами эмпатии»²². Они не заменяют человека и не отчуждают его от мира, но, напротив, соединяют с уязвимыми экосистемами, пробуждая сострадание там, где рационального знания недостаточно. Новейшие помощники человека – современные нейросети – способны не просто пробуждать эмпатию, но и напрямую обучать ей. Исследование, представленное на конференции CHI'25, описывает систему EmoSync, в которой LLM-агент генерирует персонализированные аналогии для развития аффективной эмпатии, позволяя человеку «примерить» на себя эмоции другого²³. Таким образом, и роботы Фаргаса, и нейросетевые тренажеры выступают не как заменители человеческой эмпатии, а как инструменты для развития «антропологической способности к родству», превращая абстрактное сочувствие в конкретное переживание.

Проведенный анализ наследия Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева и В.И. Вернадского позволяет утверждать, что в нем выявляется последовательный антропологический вектор: от *Homo economicus* (нашего текущего состояния) через развитие эмпатических способностей к *Homo Resuscitans*. Онтологическим основанием этого вектора выступает принцип всеединства, восходящий через аристотелевскую традицию к античной «космической симпатии»; антропологическим основанием – кордоцентризм; эволюционным – антропокосмизм.

Важным является установление соответствия между философскими положениями космизма и данными современных наук о человеке, подтверждающими возможность целенаправленного развития эмпатии. Русская научная школа – от И.М. Сеченова и И.П. Павлова до А.А. Ухтомского и Б.Г. Ананьева – заложила фундамент для понимания био-психосоциальной природы человека, на котором сегодня строятся нейронаучные исследования эмпатии. Как обобщает Х.С. Коштойаңц в своих «Очерках по истории физиологии в России» (1946 г.), именно эти ученые создали целостное учение о нервной системе и высшей нервной деятельности, ставшее естественно-научной основой для философской антропологии²⁴.

Концепция *Homo Resuscitans*, восходящая к федоровскому проекту общего дела, включает в себя несколько измерений: онтологическое – восстановление родственной связи со всеми поколениями и преодоление разрыва между живыми и умершими; технологическое – регуляцию природы (включая человеческую) средствами науки, направленную на преодоление смерти и страдания; и антро-

²²См.: Fargas J. *Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene*. New York: Springer, 2024. 210 p. [22].

²³См.: Ju H., Lee J., Yang S., Ok J., Hwang I. *Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression* // *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2025. P. 1–31 [23].

²⁴См.: Коштойаңц Х.С. *Очерки по истории физиологии в России* / под общ. ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 494 с. [24].

пологическое – переход от пассивного принятия смерти к активному ее преодолению как нравственной задаче.²⁵ Развитие эмпатических способностей выступает необходимым условием этической легитимности Homo Resuscitans: в отсутствие сформированного Homo Empathicus технологии регуляции природы и воскрешения, будучи реализованы в рамках парадигмы Homo economicus, с высокой вероятностью приведут к усугублению антропологического неравенства и тотальному контролю. Эмпатия, таким образом, выполняет функцию предохранителя, обеспечивающего соответствие средств целям общего дела. Сегодня человечество располагает необходимыми ресурсами для осуществления описанного перехода – от возобновляемой энергетики до социальных и культурных практик сотрудничества и кооперации. Главным ограничением сегодня выступает не технологический потенциал, а недостаток гуманитарной рефлексии и этически выверенных механизмов, которые предотвратили бы вырождение эмпатии в симуляцию или принудительную норму. Традиция русского космизма задает не только проективный идеал, но и конкретный антропологический маршрут его достижения, а современная наука предоставляет эмпирические подтверждения принципиальной реализуемости этого маршрута. Антропологический переход совершается уже сегодня, и он требует сознательного участия человека.

Список литературы

1. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 35–308.
2. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
4. Максимов М.В. Об актуальности наследия Вл.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 6–11.
5. Столяров А.А. Симпатия космическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542–543.
6. Козырев А.П. Об аристотелевских началах в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 45–55.
7. Levy J., Goldstein A., Feldman R. Empathy Aligns Brains in Synchrony // iScience. 2025 May 12; 28(6):112642. DOI: 10.1016/j.isci.2025.112642. eCollection 2025 Jun 20.
8. Morshed-Sakran A., Shamay-Tsoory S., Gabay S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy // Psychonomic Bulletin & Review. 2025. Vol. 32, No. 5. P. 2353–2362.
9. Davidson R.J., Lutz A. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation // IEEE Signal Processing Magazine. 2008. Vol. 25, No. 1. P. 174–176.
10. Engel G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. 1977. Vol. 196. No. 4286. P. 129–136.
11. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. С. 71–183.

²⁵ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим). С. 40.

12. Об уме вообще, о русском уме в частности // Павлов И.П. Полн. собр. тр.: Т. 3. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 249–287.
13. Соколова Л.В., Ноздрачев А.Д. «Небесная физиология». К 145-летию со дня рождения академика А.А. Ухтомского // Вестник РАН. 2020. Т. 90, № 6. С. 583–592.
14. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
15. Громов М.Н. Кордоцентризм // Русская философия: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007. С. 287–288.
16. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69–103.
17. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
18. Гачева А.Г. Авторские концепции творчества в философии русского космизма: Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев // Авторские теории творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 137–199.
19. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2021. 256 с.
20. Буренина-Петрова О.Д. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 222–240.
21. Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. New York: TarcherPerigee, 2009. 688 p.
22. Fargas J. Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene. New York: Springer, 2024. 210 p.
23. Ju H., Lee J., Yang S., Ok J., Hwang I. Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. P. 1–31.
24. Коштыянец Х.С. Очерки по истории физиологии в России / под общ. ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 494 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva (Zapiska ot neuchenykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim) [The Question of Brotherhood, or Kinship, on the Causes of the Unbrotherly, Non-Kin, i.e. Unpeaceful, State of the World and on the Means to Restore Kinship (A Note from the Unlearned to the Learned, Clerical and Secular, to Believers and Non-believers)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Progress, 1995, pp. 35–308.
2. Pavlov, I.P. *Polnoe sobranie trudov. T. 3, kn. 1* [Complete Collected Works. Vol. 3, book 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
3. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 493–547.

Individual Works

4. Gromov, M.N. Kordotsentrizm [Cordocentrism], in *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow: Algoritm, 2007, pp. 287–288.
5. Sechenov, I.M. Refleksy golovnogogo mozga [Reflexes of the Brain], in Sechenov, I.M. *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected Philosophical and Psychological Works]. Moscow: Gospolitizdat, 1947, pp. 71–183.
6. Stolyarov, A.A. Simpatiya kosmicheskaya [Cosmic Sympathy], in *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t., t. 3* [New Philosophical Encyclopedia in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Mysl', 2010, pp. 542–543.

7. Yurkevich, P.D. Serdtse i ego znachenie v dukhovnoy zhizni cheloveka [The Heart and Its Significance in the Spiritual Life of Man], in Yurkevich, P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical Works]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 69–103.

(Articles from Scientific Journals)

8. Burenina–Petrova, O.D. Bessmertie cheloveka i telesnye metamorfozy v tvorchestve arkhobiokosmistov [Human Immortality and Bodily Metamorphoses in the Work of Anarcho-Biocosmists], in *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 222–240.

9. Davidson, R.J., Lutz, A. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation, in *IEEE Signal Processing Magazine*, 2008, vol. 25, no. 1, pp. 174–176.

10. Engel, G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine, in *Science*, 1977, vol. 196, no. 4286, pp. 129–136.

11. Kozyrev, A.P. Ob aristotelevskikh nachalakh v filosofii Vl. Solov'eva [On the Aristotelian Principles in the Philosophy of Vl. Solovyov], in *Voprosy filosofii*, 2020, no. 1, pp. 45–55.

12. Levy, J., Goldstein, A., Feldman, R. Empathy Aligns Brains in Synchrony, in *iScience*, 2025, vol. 28, no. 6, p. 112642.

13. Maksimov, M.V. Ob aktual'nosti naslediya Vl.S. Solov'eva [On the Relevance of Vl.S. Solovyov's Heritage], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 6–11.

14. Morshed-Sakran, A., Shamay-Tsoory, S., Gabay, S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy, in *Psychonomic Bulletin & Review*, 2025, vol. 32, no. 5, pp. 2353–2362.

15. Sokolova, L.V., Nozdrachev, A.D. «Nebesnaya fiziologiya». K 145-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.A. Ukhtomskogo ["Heavenly Physiology". On the 145th Anniversary of Academician A.A. Ukhtomsky], in *Vestnik RAN*, 2020, vol. 90, no. 6, pp. 583–592.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Gacheva, A.G. Avtorskie kontseptsii tvorchestva v filosofii russkogo kosmizma: N.F. Fedorov, A.K. Gorskiy, N.A. Setnitskiy, V.N. Murav'ev [Authorial Conceptions of Creativity in the Philosophy of Russian Cosmism: N.F. Fedorov, A.K. Gorsky, N.A. Setnitsky, V.N. Muravyov], in *Avtorskie teorii tvorchestva* [Author's Theories of Creativity]. Moscow: IMLI RAN, 2025, pp. 137–199.

17. Ju, H., Lee, J., Yang, S., Ok, J., Hwang, I. Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression, in *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2025, pp. 1–31.

(Monographs)

18. Anan'ev, B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a Subject of Knowledge]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1968. 339 p.

19. Fargas, J. *Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene*. New York: Springer, 2024. 210 p.

20. Koshtoyants, Kh.S. *Ocherki po istorii fiziologii v Rossii* [Essays on the History of Physiology in Russia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946. 494 p.

21. Kropotkin, P.A. *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. Moscow: Samoobrazovanie, 2021. 256 p.

22. Rifkin, J. *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*. New York: TarcherPerigee, 2009. 688 p.

23. Vernadskiy, V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 270 p.

24. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii projekt, 2011. 880 p.